

© 2016 г.

И.Ю. МЕДНИКОВ

РОССИЙСКИЙ ПОСОЛ В НЕЙТРАЛЬНОЙ ИСПАНИИ БАРОН ФЕДОР АНДРЕЕВИЧ БУДБЕРГ (1851–1916)

Описывая церемонию вручения верительных грамот, которая состоялась в королевском дворце в три часа пополудни во вторник 22 сентября (5 октября) 1909 г.¹, анонимный обозреватель испанской газеты “ABC” так охарактеризовал нового российского посла в Мадриде Ф.А. Будберга: “Преемник графа Кассини² — очень образованный дипломат с блестящей репутацией, приобретенной на тех постах, что он ранее занимал. Барону Будбергу, человеку высокого роста, с горделивой осанкой и хорошего телосложения, около 60 лет. Его умное лицо украшают седые усы”³.

Федор Андреевич Будберг родился 7(19) ноября 1851 г. Он принадлежал к остзейской ветви древнего, известного с XI в. рода Будбергов-Бёнингхаузен, происходившего из Вестфалии, представители которого находились на государственной службе в разных европейских странах, в том числе в Российской империи. Фамильный девиз Будбергов “Fortiter in re, Suaviter in modo!” (“Твердо в деле, мягко в обращении!”) — как нельзя лучше подходил для дипломатической службы, и несколько “российских” Будбергов достигли успехов именно на этом поприще. Прадед Федора Андреевича, Андрей Яковлевич Будберг (1750–1812), возглавлял российское министерство иностранных дел при Александре I, с июня 1806 по август 1807 г.⁴ Отец, Андрей Федорович Будберг (1817–1881), являлся российским посланником в Берлине, Вене и Париже (1850–1860-е годы). В 1846 г. он женился на Марии Петровне Убри (1819–1913) — дочери другого известного дипломата Петра Яковлевича Убри (1774–1848), который в 1824–1835 гг. представлял российские интересы в Испании.

Ф.А. Будберг ко времени назначения российским послом в Испании прослужил в министерстве иностранных дел уже 36 лет. На дипломатическую службу он был определен в 1873 г., с 1879 г. начал работать за границей в должности помощника секретаря российского посольства в Константинополе. В 1882 г. был назначен вторым секретарем посольства в Великобритании, а в следующем году в той же должности переведен в Австро-Венгрию. В Вене Будберг провел около 20 лет: в 1893 г. был повышен до первого секретаря, в 1897 г. недолгое время прослужил в Берлине советником посольства, но вскоре вернулся в столицу Австро-Венгрии уже советником. В 1904 г. Будберга назначили Чрезвычайным посланником и Полномочным министром в Швейцарии⁵. Уже привыкший к жизни

Медников Игорь Юрьевич — научный сотрудник отдела истории Европы XVIII–XIX вв. Института всеобщей истории Российской академии наук (Москва, Россия).

¹ Здесь и далее даты, связанные с биографией Ф.А. Будберга или с российскими архивными документами, приводятся по старому и новому (в скобках) стилю. Датировка событий испанской истории дается только по новому стилю.

² Кассини Артур Павлович (1835–1919) — Чрезвычайный и Полномочный посол Российской империи в Испании в 1905–1909 гг.

³ ABC, 6.X.1909, p. 13.

⁴ См. Будберг Андрей Яковлевич. — Очерки истории Министерства иностранных дел России, в 3 т. Т. 3. Биографии министров иностранных дел. 1802–2002 гг. М., 2002.

⁵ Федор Андреевич Будберг. — <http://www.rusdiplomats.narod.ru/budberg-fa.html>

в немецкоговорящих странах действительный статский советник (с 1908 г. — гофмейстер), барон Будберг 17 (30) июня 1909 г. получил назначение в Испанию⁶. 22 сентября (5 октября) российский посол Будберг вручил верительные грамоты испанскому королю Альфонсу XIII.

Во время церемонии, проходившей в тронном зале дворца, передав, согласно протоколу, верительные грамоты испанскому монарху через министра иностранных дел М. Альендесаласара, барон Будберг обратился к королю по-французски со следующими словами: “Тосударь! Будучи удостоен чести его величеством императором, моим августейшим сувереном, возложившим на меня приятную миссию представлять его перед вашим величеством, прошу вас быть уверенным в том, что все мои усилия будут устремлены на укрепление уз взаимного доверия, уважения и дружбы, существующих между Испанией и Россией. Я надеюсь, что ваше величество примет меня с той же благожелательностью, которой всегда одаривали моих предшественников, и в надежде на это имею честь передать вам в руки грамоты его величества императора всероссийского, моего августейшего суверена, которые меня аккредитуют в качестве чрезвычайного и полномочного посла при вашем величестве”.

Альфонс XIII ответил новому российскому послу: “Господин посол! Я с искренним удовлетворением принимаю грамоту, коей его величество император, ваш августейший суверен, изволил аккредитовать вас при мне в качестве чрезвычайного и полномочного посла. Я благодарю вас и отвечаю на благородные намерения, которые вы имеете для исполнения своей миссии, что, несомненно, вы можете рассчитывать на мое содействие, содействие моего правительства и всей (испанской. — *И.М.*) нации... для поддержания и еще большего укрепления, насколько это возможно, постоянных отношений неизменной дружбы, обоюдного уважения и взаимного доверия, которые, к счастью, связывают Россию и Испанию”⁷.

Отчасти новый российский посол и испанский король были правы в своих оценках взаимоотношений России и Испании того времени. После того как российский император Александр II официально признал осенью 1856 г. Изабеллу II королевой Испании, дипломатические отношения между двумя странами, прекратившиеся с началом Первой карлистской войны 1833–1840 гг., были восстановлены, и с тех пор они развивались стабильно и мирно.

Тем не менее в начале XX в. Мадрид не считался российскими дипломатами завидным местом назначения. С одной стороны, сама Испания уже давно находилась на периферии международной жизни и политики и дипломатическая деятельность там представлялась малоинтересной для опытных и активных дипломатов. С другой стороны, российско-испанские отношения не являлись приоритетными ни для Санкт-Петербурга, ни для Мадрида⁸. Интенсивной торговли между Россией и Испанией тоже не было. Хотя дипломатические отношения носили регулярный характер, двусторонние контакты были скорее эпизодическими и протокольными. Особых общих интересов, как, впрочем, и расхождений, не существовало. Видимо, именно поэтому отношения между двумя странами и оставались, как тогда говорили, “дружественными” и “сердечными”. Положительную роль играл и монархический строй обоих государств, хотя между российскими Романовыми и испанскими Бурбонами не было тесных родственных связей⁹.

⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), ф. 159. Департамент личного состава и хозяйственных дел, оп. 713, 1914–1917 гг., д. 223, л. 34об.

⁷ АВС, 6.X.1909, р. 13.

⁸ О российско-испанских отношениях начала XX в. см. *Медников И.Ю.* Россия и Испания накануне августа 1914 года. — Россия и Европа: дипломатия и культура, вып. 4. М., 2007.

⁹ Косвенным образом Романовы и испанские Бурбоны оказались связаны благодаря браку испанского короля Альфонса XIII с британской принцессой Викторией-Евгенией Баттенберг в 1906 г. Она была двоюродной сестрой супруги Николая II императрицы Александры Федоровны. Мать Виктории-Евгении британская принцесса Беатриса и мать Александры Федоровны принцесса Алиса были родными сестрами, дочерьми королевы Англии Виктории. Кроме того, родная сестра российской императрицы Виктория Гессен-Дармштадская была замужем за Людвигом Баттенбергом, брат которого Генрих Баттенберг был мужем принцессы Беатрисы и отцом Виктории-Евгении.

Приехавший в Испанию в 1912 г. советник посольства Ю.Я. Соловьев впоследствии писал: “Наш престарелый посол барон Будберг, назначенный в Мадрид приблизительно за пять лет до моего приезда, весьма тяготился пребыванием в Мадриде, где он совсем не акклиматизировался, чуждаясь испанцев и поддерживая близкие отношения почти исключительно со своими коллегами-послами. С ними он был очень дружен. К тому же некоторых из них, как, например, германского посла князя Ратибора и двух сменивших друг друга австро-венгерских послов – графа Виденбрука и князя Фюрстенберга, он знал гораздо раньше, подружившись с ними еще в Вене, где он долгие годы был секретарем, а затем – советником посольства. Большими его друзьями были и французский посол г-н Жоффре и итальянский граф Бонин-Лонгаре”¹⁰. О российской дипломатической службе в Мадриде до начала Первой мировой войны Соловьев отзывался как о “весьма несложной”: “Между Россией и Испанией дипломатические сношения были развиты весьма слабо, а потому и деловая переписка посольства была крайне ограниченной... В политическом отношении Испания стала для нас интересной лишь во время войны 1914 г.”¹¹ В целом Соловьев был прав, однако в Петербурге заинтересовались Испанией еще накануне конфликта.

ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ: ПРОБЛЕМА МАРОККО И СЕКРЕТНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ О ВСТУПЛЕНИИ ИСПАНИИ В АНТАНТУ

В начале XX в. Испания постепенно оправилась от шока поражения 1898 г., когда после краткосрочной войны с США лишилась последних колоний: Кубы, Пуэрто-Рико и Филиппинских островов. Вступивший в 1902 г. на испанский трон молодой король Альфонс XIII стремился к возрождению международного престижа страны¹². Главной задачей испанской дипломатии того времени являлись поиски выхода из международной изоляции, в которой оказалась страна в 1898 г.: во время испано-американской войны ни одна европейская держава действительно не поддержала Испанию. После поражения и унижительного Парижского мира Испания лишилась не только колоний, но и большей части своего флота. Она окончательно превратилась во второстепенную европейскую державу, к тому же слабую в военном отношении – существовали серьезные опасения, что Мадрид вряд ли сможет обеспечить защиту Канарских и Балеарских островов, а также своих анклавов в Африке – Сеуты и Мелильи. Испания нуждалась в союзниках, которые могли бы обеспечить неприкосновенность ее владений, и использовала в этих целях так называемый марокканский вопрос¹³.

Марокканский султанат в начале XX в. был одним из немногих государств в Африке, сохранивших независимость, и здесь сталкивались интересы великих европейских держав. Франция стремилась за счет Марокко расширить свое присутствие в Северной Африке, Великобритания опасалась, что южный берег Гибралтарского пролива перейдет под контроль враждебной ей державы, Германия ревниво относилась к попыткам других государств увеличить свое влияние в султанате, а Испания хотела гарантировать неприкосновенность Сеуты и Мелильи.

¹⁰ Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959, с. 251–252.

¹¹ Там же, с. 240–241, 245.

¹² Подробнее о первых годах правления Альфонса XIII см. Медников И.Ю. “Возрождение” Испании. – История Испании. Т. 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века. М., 2014.

¹³ Подробнее о внешней политике Испании в начале XX в. см.: Медников И.Ю. На рубеже веков (1898–1914). – Аникеева Н.Е., Ведюшкин В.А., Волосюк О.В., Медников И.Ю., Пожарская С.П. История внешней политики Испании. М., 2013; Niño A. Política de alianzas y compromisos coloniales para la “Regeneración” internacional de España, 1898–1914. – La política exterior de España en el siglo XX. Eds. J. Tusell, J. Avilés, R. Pardo. Madrid, 2000.

В 1902 г. был составлен первый проект секретного договора о разделе Марокко между Францией и Испанией¹⁴. Однако он так и не был подписан, потому что испанское правительство опасалось негативной реакции Лондона. Но после подписания англо-французских соглашений в апреле 1904 г., ставших основой “сердечного соглашения” между Лондоном и Парижем, марокканский вопрос был решен в пользу Франции. В секретных статьях соглашения признавались интересы Испании на северном побережье султаната, и уже в октябре 1904 г. Испания подписала с Францией декларацию и соглашение о Марокко. Официально оба правительства заявили о своем желании сохранять целостность и суверенитет султаната, однако в секретном соглашении Марокко делилось на две зоны влияния. Северная часть предназначалась Испании.

Рост французского влияния в Марокко вызвал негативную реакцию Берлина. 31 марта 1905 г. германский император Вильгельм II прибыл в Танжер и в публичном выступлении выразил надежду, что в “свободном Марокко” сохранится равенство интересов других держав. Выступление императора спровоцировало Первый марокканский, или Танжерский, кризис.

Германия требовала проведения международной конференции, которая закрепила бы равенство экономических и политических интересов всех великих держав в Марокко. Открытие международной конференции, призванной разрешить марокканский кризис, состоялось 16 января 1906 г. в испанском портовом городе Альхесирас, что недалеко от британского Гибралтара. Сюда прибыли представители 13 государств: Австро-Венгрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Испании, Италии, Марокко, Нидерландов, Португалии, России, США, Франции и Швеции.

Марокканский вопрос не особенно волновал царское правительство, но само участие Российской империи, чей международный престиж был подорван недавним поражением в русско-японской войне 1904–1905 гг., в решении этой проблемы выглядело как позитивный фактор ее возвращения в клуб великих держав. Кроме того, позиция России на Альхесирасской конференции в итоге способствовала дипломатической победе франко-британской Антанты¹⁵.

Конференция длилась почти три месяца. Состоялось 18 заседаний. Участники обсуждали не только сохранение суверенитета Марокко, но и экономические вопросы: свободу торговли, борьбу с контрабандой, таможенный контроль и т.д. 7 апреля 1906 г. был подписан Альхесирасский акт, провозглашавший независимость и целостность Марокко под суверенитетом султана, а также экономическое равенство и свободу торговли для всех стран в султанате. Также был создан Марокканский государственный банк, учредителями которого стали банки Великобритании, Франции, Германии и Испании. Полицейские функции в марокканских портах передавались французским и испанским инструкторам.

Альхесирасская конференция не разрешила противоречий великих держав по марокканскому вопросу. Германия не смогла эффективно противодействовать росту французского влияния в регионе, на конференции она оказалась практически в изоляции (ее претензии поддержала только Австро-Венгрия), “сердечное согласие” Великобритании и Франции осталось непоколебимым, а Испания продемонстрировала свою близость к Антанте. Спустя год эта близость станет еще более очевидной.

8 апреля 1907 г. в испанском порту Картахена бросила якорь британская королевская яхта “Виктория и Альберт”, которую сопровождали 15 военных кораблей. Король Англии Эдуард VII вместе с супругой прибыл в Испанию с официальным визитом. В Картахену приехали Альфонс XIII, королева-мать Мария-Кристина, председатель правительства А. Маура, министры и придворные. Во время этого визита были

¹⁴ См. *Pastor Garrigues F.M.* El non-nato Tratado Hispano-Francés de 1902 de Reparto de Marruecos en el contexto de las pugnas imperialistas de la época. – Cuadernos de historia de las relaciones internacionales, Madrid, 2008, № 6.

¹⁵ *Ревякин А.В.* Мировая политика последней трети XIX – начала XX века. – Всемирная история, в 6 т. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. М., 2014, с. 838.

окончательно оговорены детали секретного соглашения, о котором шли тайные переговоры еще во время Танжерского кризиса¹⁶. В результате достигнутых договоренностей правительства Великобритании, Франции и Испании обменялись 16 мая 1907 г. идентичными нотами, где подтвердили свое желание сохранять статус-кво в Средиземном море и Восточной Атлантике. О его возможном нарушении стороны обязались сообщать друг другу для последующей выработки согласованной общей линии поведения.

Хотя картахенские соглашения и не накладывали прямых союзнических обязательств, Мадрид все же получил от Лондона и Парижа гарантии неприкосновенности своих владений. Кроме того, Испания явно солидаризовалась с Францией и Англией против германских устремлений в Марокко. Ей наконец-то удалось выйти из международной изоляции и заручиться поддержкой двух могущественных держав. Однако, максимально сблизившись с Антантой в 1907 г., Испания так и не стала ее членом. Между тем Россия в августе того же года подписала соглашение с Англией, которое завершило процесс создания Тройственного согласия. С этого времени “фактор Антанты” стал положительно влиять на отношения между Петербургом и Мадридом.

Когда новый российский посол Ф.А. Будберг приехал в Мадрид в 1909 г., главной проблемой испанской внешней политики оставался марокканский вопрос. Весной 1911 г. в Марокко вспыхнуло восстание против султана Абд аль-Хафиза. Он попросил помощи у Франции, и вскоре французы оккупировали столицу г. Фес. Испанские войска заняли несколько опорных пунктов на западе Марокко. Германия была недовольна этим явным нарушением Альхесирасского акта. 1 июля 1911 г. в марокканском порту Агадир неожиданно появилась германская канонерка “Пантера”, направленная туда с целью “защиты немецких интересов” в султанате.

2 (15) июля 1911 г. Будберг докладывал из Мадрида в Петербург: “Первая весть о занятии порта Агадира Германией сделалась известной испанскому правительству через здешнее германское посольство. На дипломатическом приеме посол князь Ратибор вручил министру иностранных дел ноту, излагающую причины (защита подданных и интересов), заставившие германское правительство прибегнуть к упомянутому шагу. Г-н Гарсиа Прието растерялся — как он мне сам сознался потом — и ограничился принятием заявления к сведению, сказав послу, что так как это сообщение является для него вполне сюрпризом, он может о нем высказать только личное мнение и предпочитает поэтому отложить дальнейший обмен мнений до того времени, когда он будет в состоянии говорить от имени своего кабинета. Князь Ратибор сознался мне, что он тем легче удовлетворился этим ответом, что решение своего правительства и для него также было новинкой — ничего в переписке с Берлином не предвещало чего-либо подобного”¹⁷.

Второй марокканский, или Агадирский, кризис, “во время которого возникла опасность прямого военного столкновения между Францией и Германией, чреватого общеевропейской войной”¹⁸, продлился несколько месяцев. Берлин пошел на уступки только тогда, когда стало очевидно, что Великобритания не оставит свою союзницу Францию без военной поддержки. 4 ноября 1911 г. было подписано франко-германское соглашение. В обмен на часть французского Конго Германия признавала преимущественные права Франции на Марокко. 30 марта 1912 г. Франция заключила с султаном Фесский договор, согласно которому Марокко провозглашался французским протекторатом, а 27 ноября подписала с Испанией новое соглашение о разделе Марокко и совместном франко-испанском протекторате. Испании выделялась северная

¹⁶ См. *Torre del Río, R. de la*. Los acuerdos anglo-hispano-franceses de 1907: una larga negociación en la estela del 98. — Cuadernos de la Escuela Diplomática, Ministerio de Asuntos Exteriores, segunda época, № 1, junio 1988.

¹⁷ АВПРИ, ф. 167. Посольство в Берлине, оп. 509/1, 1911 г., д. 4974, л. 14–14об.

¹⁸ *Ревякин А.В.* Указ. соч., с. 842.

прибрежная часть страны в качестве зоны влияния, правда, она была меньше той территории, которая предусматривалась в предшествовавших секретных соглашениях.

В решении марокканского вопроса испанское правительство следовало в фарватере французской и британской политики: слабая Испания нуждалась в покровительстве великих держав. В те годы дипломатические контакты с Форин офис и Кэ д'Орсе косвенно способствовали сближению Мадрида и Петербурга. Когда марокканский вопрос по сути уже был решен, испанский король стал искать поддержки и посредничества Российской империи, намереваясь усилить сотрудничество Испании с Антантой.

11 (24) августа 1912 г. Альфонс XIII пригласил российского посла Будберга на частную аудиенцию во дворец Мирамар в Сан-Себастьяне, где король, двор, министры и иностранные дипломаты обычно проводили август и сентябрь, спасаясь от мадридской жары. Король был эмоционален. Указав на то, что Испания не принадлежит ни к одной из двух больших существующих группировок, в случае столкновения которых роли были уже четко определены, Альфонс XIII воскликнул: “Что касается нас, мы окажемся в изоляции!.. Так не может продолжаться!”. Далее, подчеркнув, что симпатии и интересы Испании склоняются к Антанте (России, Франции и Великобритании), король заявил, что “необходимо было бы, чтобы державы согласились вести с нами переговоры на равных и чтобы Тройственная Антанта стала Четверной!”.

“Для достижения этой цели наиболее подходящим способом, соответствующим нашим желаниям, было бы, чтобы под эгидой России произошло вступление Испании в Антанту”, – сказал Альфонс XIII. Будберг сразу же известил о желании испанского монарха российского министра иностранных дел С.Д. Сазонова. Донесение посла от 21 августа (3 сентября) 1912 г. было представлено на высочайшее рассмотрение. На первой странице император Николай II написал синим карандашом: “К этому следует отнестись серьезно”¹⁹.

Российская империя могла предложить Испании лишь помощь посредника, которая могла пригодиться во время переговоров с Францией. На это, вероятно, и рассчитывали в Мадриде. Как раз в это время Сазонов собирался посетить Париж. Во французской столице он встретился с министром иностранных дел Франции Р. Пуанкаре и обсудил с ним испанские предложения. Пуанкаре сказал Сазонову, что Испания в 1909 г. уже хотела вступить в Антанту, но тогда Франция не дала определенного ответа; теперь же мысль о союзе Испании и Франции встречает в Париже сочувствие, хотя переговоры по этому поводу откладываются до заключения соглашения между двумя державами о Марокко²⁰.

Видимо, выражая не только свое мнение, но и мнение французов, Сазонов писал в инструкции Будбергу 3 (16) октября 1912 г.: “Сама по себе Испания, разумеется, не является достаточной величиной, чтобы союз с ней мог бы считаться ценным приобретением. При известных условиях он мог бы оказаться даже источником лишних забот ввиду необходимости подачи помощи слабой союзнице, едва ли способной в свою очередь оказать какую-нибудь равноценную услугу. Но, с другой стороны, враждебная Испания, как бы мала она ни была, все же оттянет к Пиренеям часть французских войск и настолько же сократит боевую силу соседней республики на других фронтах, – что не может быть для нас безразлично. С этой точки зрения присоединение Испании на сторону той группы держав, к которой принадлежит Россия, соответствует нашим интересам”²¹.

Сазонов предлагал Мадриду заключить формальный союз только с Францией (или Великобританией), что сблизило бы Испанию со всеми странами “сердечного согласия”, не вызывая в Берлине подозрений по поводу новой враждебной коалиции. 30 октября (12 ноября) 1912 г. Сазонов сообщил Будбергу для личного сведения, что испанский посол в Петербурге граф де ла Виньяса, вернувшись из отпуска, подтвердил ему

¹⁹ АВПРИ, ф. 133. Канцелярия, оп. 470, 1913 г., д. 63, л. 3–6об.

²⁰ Там же, 1912 г., д. 188, л. 4.

²¹ Там же, л. 3–3об.

желание Альфонса XIII вступить в Антанту и рассказал о том, что испанский монарх воспользуется своим визитом в Париж, чтобы лично провести переговоры с французским правительством²².

Во время визита в Париж в мае 1913 г. Альфонс XIII высказал президенту Французской республики Р. Пуанкаре свое желание вступить в Антанту. После тщательного изучения этого вопроса французскими дипломатами и военными Пуанкаре, находясь с ответным визитом в Мадриде в октябре 1913 г., настоял на том, чтобы Испания в случае начала европейского конфликта объявила нейтралитет, благожелательный к странам Антанты. В Петербурге были в курсе этих переговоров и знали об их результатах²³.

Хотя Испании не удалось стать полноправной союзницей России по Антанте, ее сближение с Тройственным согласием позитивно сказалось на развитии российско-испанских отношений. Посол Будберг использовал любую возможность, чтобы поддерживать дружественный и доверительный характер этих взаимоотношений. Одной из дружественных акций стал визит в Испанию делегации 7-го уланского Ольвиопольского полка, почетным шефом которого с 1908 г. являлся испанский король Альфонс XIII. Тогда, в марте 1908 г., состоялась первая поездка делегатов полка, возглавляемых внуком российского императора Александра II и двоюродным братом Николая II великим князем Борисом Владимировичем. Великий князь и представители полка были представлены королю и королевам в день прибытия. Делегация преподнесла обмундирование полка своему новому шефу. На следующий день российские гости посетили корриду и оперу. Они также ездили в Толедо и Эскориал²⁴.

Вторая делегация Ольвиопольского полка прибыла в Мадрид уже при Будберге. 8 (21) декабря 1912 г. командир полка полковник Бурский, командир первого эскадрона ротмистр Ходнев, полковой адъютант поручик Дараган и вахмистр прапорщик Дьячук были приняты испанским королем, облаченным в мундир Ольвиопольского полка. Делегаты приехали по случаю 100-летия своего полка (он был создан за несколько дней до начала Отечественной войны 1812 г.), чтобы поздравить Альфонса XIII с юбилеем полка и преподнести ему юбилейный знак²⁵. На следующий день они вместе с королем отправились на охоту, а на обратном пути их чествовал в Вальядолиде 5-й кавалерийский полк Фарнезио, почетным шефом которого был российский император Николай II²⁶.

О готовности Будберга всячески укреплять взаимные симпатии с испанцами свидетельствовал и другой эпизод, который, произошел в начале 1914 г., когда Альфонс XIII случайно увидел медаль, выпущенную в честь 300-летия Дома Романовых, на мундире российского морского агента, капитана 2-го ранга В.И. Дмитриева во время частной аудиенции. Король намекнул на то, что, будучи шефом российского Ольвиопольского полка, “он считает себя до некоторой степени на русской службе и был бы рад украсить и свою грудь такой же медалью”. Будберг немедленно сообщил об

²² Там же, 1913 г., д. 63, л. 11.

²³ Медников И.Ю. Россия и Испания накануне августа 1914 года, с. 57–61.

²⁴ АВПРИ, ф. 167. Посольство в Берлине, оп. 509/1, 1908 г., д. 4830, л. 25–27об.; АВС, 31.III.1908, р. 7.

²⁵ АВПРИ, ф. 133. Канцелярия, оп. 470, 1912 г., д. 204, л. 2; д. 81, л. 35–35об., л. 91.

²⁶ Ольвиопольский полк прекратит свое существование вместе с Российской империей. А полк Фарнезио существует до наших дней (с 1649 г.), правда, он уже не является кавалерийским. Располагается он на военной базе недалеко от Вальядолида. Там, в небольшом историческом музее, до сих пор хранятся подарки Николая II – альбом с фотографиями Ольвиопольского полка и серебряная чаша. Живы по сей день и уникальные для Испании традиции полка, очевидно, имеющие русские корни: при посвящении новобранец должен отпить из сосуда, который сослуживцы называют “чарочка” (раньше использовалась серебряная чаша из музея). При этом все поют испанскую песню на мотив русского припева “пей до дна!”. И заканчивается она словами: “Возьми эту чарочку и пей до дна! Пей ее, пей ее, пей ее!”. См. La sala histórica del Regimiento Farnesio. – <http://www.regimientofarnesio.es/sala.html>; La Charoska en el Regimiento Farnesio. – <http://veteranosdefarnesio.espana-foro.es/t12-la-charoska-en-el-regimiento-farnesio>

этом в Петербург. В случае согласия на то Николая II, российский посол даже был готов преподнести испанскому монарху свой экземпляр медали, так как считал, что поспешность в исполнении этой просьбы “возвысит в глазах (короля. — И.М.) цену этого нового доказательства царского к нему расположения”²⁷.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ПОСРЕДНИЧЕСТВО НЕЙТРАЛЬНОЙ ИСПАНИИ В ЗАЩИТЕ РОССИЙСКИХ ИНТЕРЕСОВ

Об убийстве в Сараево наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда в российском посольстве узнали от князя Фюрстенберга, посла двуединой монархии в Испании. Никто из аккредитованного в Мадриде дипломатического корпуса “не придавал этому известию всего его рокового значения”²⁸.

Тем временем большая война неумолимо приближалась. Как только основные участники конфликта обменялись нотами об объявлении войны, испанское правительство 7 августа 1914 г. опубликовало в “Gaceta de Madrid” декларацию о нейтралитете, где испанским подданным было предписано соблюдать “самый строгий нейтралитет в соответствии с действующими законами и принципами международного публичного права”²⁹. Однако, несмотря на провозглашенный строгий нейтралитет, в дипломатическом отношении он оставался благожелательным к Антанте³⁰, что сказалось и на российско-испанских отношениях военного времени.

Наиболее ярким сторонником Антанты являлся либерал граф де Романонес, возглавлявший испанское правительство с декабря 1915 г. по апрель 1917 г. И все же испанское правительство не желало разрывать дипломатические отношения с Германией, опасаясь вовлечения в войну, и проявляло в отношениях с Берлином достаточную гибкость и осторожность, хотя за годы войны германские субмарины неоднократно топили испанские суда, в результате чего гибли испанские подданные³¹. К концу войны Испания все сильнее сближалась с Антантой, превращаясь в ее “нейтрального союзника”³².

С самого начала европейского конфликта Испания, как и другие нейтральные страны, выступила в защиту интересов воюющих держав, разорвавших дипломатические отношения друг с другом, в том числе она представляла и российские интересы во вражеском стане. Уже 2 августа 1914 г. испанский посол А. де Кастро телеграфировал из Вены в личную канцелярию Альфонса XIII о том, что российский представитель посетил его накануне и просил в случае войны взять на себя защиту интересов российских подданных, оказавшихся в двуединой монархии. Посол просил инструкций по этому вопросу³³.

В первые дни августа 1914 г. испанское правительство согласилось поднять свой флаг над зданием российской миссии в Белграде³⁴. В начале декабря 1914 г. венский кабинет принял к сведению официальное заявление испанского посла о принятии его правительством под свое покровительство зданий российской миссии и страхового общества “Россия” в Белграде³⁵. Испанскому генеральному консулу в Антверпе-

²⁷ АВПРИ, ф. 133. Канцелярия, оп. 470, 1914 г., д. 284, л. 2–5об.

²⁸ Соловьев Ю.Я. Указ. соч., с. 255–256.

²⁹ Gaceta de Madrid, 7.VIII.1914, p. 306.

³⁰ Подробнее см.: Медников И.Ю. Испания и Первая мировая война (1914–1918). — Аникеева Н.Е., Ведюшкин В.А., Волосюк О.В., Медников И.Ю., Пожарская С.П. История внешней политики Испании; *Espadas Burgos M. España y la Primera Guerra Mundial. — La política exterior de España en el siglo XX.*

³¹ Подробнее об испано-германских отношениях в годы Первой мировой войны см. Carden R.M. German Policy toward Neutral Spain, 1914–1918. New York – London, 1987.

³² Ibid., p. 192.

³³ Archivo General de Palacio, sección Reinados, fondo Alfonso XIII, caja 15.252, exp. 5.

³⁴ АВПРИ, ф. 133. Канцелярия, оп. 470, 1914 г., д. 32, л. 1.

³⁵ Там же, л. 22.

не в октябре 1914 г. было поручено принять на себя заведование делами российского консульства и защищать российские интересы³⁶. Через два с половиной года, 7 апреля 1917 г., испанское правительство проинформировало Вену и Петроград о том, что оно согласно взять на себя защиту российских интересов во всей Австро-Венгрии³⁷.

Испания не только официально представляла интересы государств, объявивших друг другу войну, но и наряду с Красным Крестом развернула широкую гуманитарную кампанию, активным участником которой стал король Альфонс XIII³⁸.

Испанское правительство и Альфонс XIII заботились и о военных, и о гражданских лицах – о тех, кто волею судеб оказался на вражеской территории без какой-либо связи с родиной. При личной канцелярии короля было создано специальное отделение, занимавшееся поиском пропавших без вести солдат и офицеров воюющих стран, вызволением из плена раненых. Оно также ходатайствовало о смягчении смертных приговоров и оказывало помощь депортированному гражданскому населению³⁹. Советник российского посольства в Испании Соловьев с восхищением писал Сазонову в ноябре 1915 г.: “Помимо испанского министерства иностранных дел и его представителей за границей над делом доставления сведений об оставшихся во вражеских странах частных лицах усиленно работает личная канцелярия Его Величества, и порой в день ею посылается до 500 писем и телеграмм”⁴⁰.

Соловьеву, который в первые месяцы войны, будучи в отпуске, оказался в российской столице, было поручено образовать при испанском посольстве справочное бюро с целью защиты интересов русских, оставшихся в Германии и Австро-Венгрии. Как он отмечал, “в одной Германии их было более 40 тысяч: курортный сезон был в самом разгаре”⁴¹. Помощь Соловьева стала более чем полезной, так как ввиду малочисленности персонального состава посольство Испании, правительство которой приняло на себя покровительство российским подданным в Германии и Австро-Венгрии, не могло справиться с возложенными на него новыми обязанностями. Соловьеву выделили две комнаты в помещении посольства, и вскоре он набрал около 12 сотрудников. Работа бюро заключалась в сборе сведений и осуществлении денежных переводов российским подданным, находившимся во вражеских странах. Впоследствии Соловьев вспоминал, что “число посетителей и телефонных разговоров с каждым днем росло. Бывали дни, когда в посольство приходило по несколько сот человек”. Вскоре справочное бюро перевели из испанского посольства в здание российского МИД⁴².

В условиях разрыва дипломатических отношений между Петроградом, Берлином и Веной и посредничества Испании переговоры об обмене военнопленными и защита интересов российских подданных во вражеских странах стали основной заботой российского посольства в Мадриде и лично Будберга. Схема передачи сведений была такова: испанские дипломатические представители в Германии и Австро-Венгрии передавали информацию в испанское министерство иностранных дел, которое направляло ее в российское посольство, а то в свою очередь связывалось с Петроградом. Зачастую многие сведения передавались и через испанское посольство в России.

С началом войны российское посольство в Испании оказалось в затруднительном финансовом положении. Во-первых, его расходы увеличились, так как необходимо

³⁶ Там же, л. 11; д. 96, л. 15, 16; ф. 158. Экономический департамент, оп. 452, IV делопроизводство, 1914 г., д. 337, л. 10.

³⁷ Там же, ф. 133. Канцелярия, оп. 470, 1917 г., д. 32, л. 32.

³⁸ Подробнее об этой кампании см.: *Cortés-Cavanillas J.* Alfonso XIII y la guerra del 14: una documentación inédita y sensacional del archivo privado de Alfonso XIII en el Palacio Real de Madrid. Madrid, 1976; *Pando J.* Un Rey para la esperanza: la España humanitaria de Alfonso XIII en la Gran Guerra. Madrid, 2002.

³⁹ *Олано-Эренья А.* Испанский король и попытки спасения семьи Николая II. – Новая и новейшая история, 1993, № 5, с. 156.

⁴⁰ АВПРИ, ф. 133. Канцелярия, оп. 470, 1915 г., д. 35, л. 12–12об.

⁴¹ *Соловьев Ю.Я.* Указ. соч., с. 257.

⁴² Там же, с. 257–259.

было не только оплачивать проантантовскую пропаганду, но и помогать русским, находившимся в Испании. Например, 2 (15) ноября 1915 г. Соловьев запросил МИД о разрешении выдать заимообразно 1500 песет магистранту Петербургского университета Кражевскому. Эти деньги были нужны Кражевскому, приехавшему в Испанию в научную командировку, чтобы вместе с больной женой вернуться на родину⁴³. О финансовом положении посольства свидетельствует телеграмма Будберга от 9(22) марта 1915 г.: «Посольством всего получено 61 125 песет. Неимущим русским подданным выдано пособий на 12 524. Барселонскому генеральному консульству передано — 15 000. На пенсии, переводы и т.п. израсходовано 20 039,35. Так что в неприкосновенный капитал вношу 13 561,65. Барселонское генеральное консульство выдало ссуд и пособий на 5009,40, а его неприкосновенный капитал — 9990,60»⁴⁴. 30 июня (13 июля) 1915 г. посол просил выслать в посольство 3500 франков на нужды союзного комитета пропаганды в испанской печати (присланных накануне 1500 франков оказалось недостаточно)⁴⁵.

Гуманитарная деятельность испанского правительства и короны по отношению к российским подданным не раз наталкивалась на финансовые проблемы. Уже осенью 1914 г. испанский посланник в Бельгии сообщал в Мадрид, что для оказания помощи неимущим русским ему необходимо не менее 13 тыс. франков из России ежемесячно⁴⁶. Зимой 1915/1916 г. испанское посольство в Берлине тоже оказалось в затруднительном положении. Ему приходилось выплачивать пособия российским подданным в Германии раньше, чем приходили соответствующие денежные переводы из России. Финансы посольства быстро иссякли, и к началу января 1916 г. у испанского посла в Берлине Л. Поло де Бернабе скопилось около 1 тыс. неудовлетворенных переводов и более 1400 произведенных выплат на общую сумму в 360 тыс. марок. Испанский посол настаивал на том, чтобы деньги, необходимые российским подданным, приходили вовремя⁴⁷. В середине февраля 1916 г. Поло де Бернабе повторил свою просьбу, указав, что с 4 января Петроград не перевел ему никаких средств, из-за чего 530 переводов (на 145 тыс. марок) остались невыплаченными⁴⁸.

Положение российских подданных в Германии и Австро-Венгрии было тяжелым, но благодаря денежным переводам, проходившим через испанские посольства, многие из них смогли вернуться на родину через Скандинавские страны и Финляндию. Отношение к ним германских и австрийских властей было настолько негативным, что вызывало протесты испанских дипломатов. 8 (21) ноября 1914 г. Будберг докладывал из Мадрида: «Испанскими послами сделаны от нашего имени официальные представления в Берлине и Вене. В своем ответе германское правительство указывает, что меры строгости по отношению к русскоподданным приняты им якобы в виде репрессалий против подобных же мер, применяемых в России к германским подданным в силу непрекращающейся у нас германофобской агитации. Эти меры строгости, по словам германского правительства, не опровергаются американским послом в Петрограде. Испанский посол высказывает свое сожаление о возникновении борьбы на почве взаимных репрессалий»⁴⁹.

Не всегда гладко проходили переговоры об обмене военнопленными, посредниками в которых выступали испанцы. Прошло всего три месяца после начала военных действий между Германией и Россией, а Будберг уже докладывал из Мадрида, что министр иностранных дел маркиз де Лема просит передать, что испанский посол в Берлине Поло де Бернабе донес своему правительству о крайне неловком положении,

⁴³ АВПРИ, ф. 133. Канцелярия, оп. 470, 1915 г., д. 33, л. 25.

⁴⁴ Там же, л. 6.

⁴⁵ Там же, л. 14.

⁴⁶ Там же, 1914 г., д. 32, л. 15.

⁴⁷ Там же, 1915 г., д. 33, л. 34.

⁴⁸ Там же, 1916 г., д. 27, л. 10.

⁴⁹ Там же, 1914 г., д. 32, л. 17.

в которое его ставит российский отказ утвердить уже подписанные условия обмена 29 военнопленных и заложников. Он подчеркнул, что “если ему удалось добиться соглашения, то этим он исключительно обязан той цене, которую в Германии придают освобождению консула Лерхенфельда. Посол прибавляет, что решение (России. — *И.М.*) до того подрывает его положение, что будущие его старания по защите русских интересов и подданных обречены на неудачу, а это он считает несовместимым со своим положением”⁵⁰.

Испанские представители в воюющих странах не только информировали о ходе тех или иных дел по обмену военнопленными, пытаясь уладить возникавшие конфликтные ситуации, но и внимательно следили за положением пленников. Зимой 1914/1915 г. испанскому послу в Вене А. де Кастро было поручено осмотреть австро-венгерские концентрационные пункты, где содержались русские военнопленные. При этом Альфонс XIII через Будберга просил российские власти, чтобы американскому послу в Петрограде, защищавшему интересы Германии и Австро-Венгрии в Российской империи, разрешили увидеть пленных австрийцев⁵¹.

Инспектирование военнопленных испанскими представителями и их отчеты о положении пленников были важны и с точки зрения политической: враждующие державы постоянно упрекали друг друга в жестокое обращение с военнопленными и вводили ответные меры. Весной 1915 г. Поло де Бернабе выразил опасение, что отправка нескольких тысяч германских пленных в Туркестан, о чем появились сведения в российской прессе, вызовет ответные репрессии по отношению к русским военнопленным в Германии. Будберг заверил испанского министра иностранных дел М. Вильянуэву, что германские офицеры, конечно же, не будут работать на рудниках, отметив при этом, что недавно французская печать обнародовала данные о возмутительном обращении с российскими пленными в Шлезвиге, вызвавшие протесты даже со стороны местного населения⁵².

Несмотря на проблемы, возникавшие в ходе переговоров об обмене военнопленными, и финансовые затруднения, российское посольство в Испании и барон Будберг при посредничестве испанской короны и министерства иностранных дел продолжали свою деятельность по защите интересов российских подданных, оказавшихся во вражеских странах.

ОТСТАВКА БАРОНА БУДБЕРГА

Война резко изменила жизнь дипломатического корпуса, аккредитованного в столице нейтральной Испании. Представители воюющих держав практически перестали общаться друг с другом. Вернувшийся в начале войны из России в Испанию Соловьев писал: “В Мадриде я застал посла и членов посольства в очень подавленном состоянии. Особенно тяжело переживал события барон Будберг. К тому же ему было крайне неприятно внезапно порвать все отношения со своими лучшими друзьями — германским и австро-венгерским послами”⁵³.

Традиционно во время официальных приемов представители иностранных государств должны были занимать места согласно времени вручения верительных грамот. Так, рядом с германским послом оказывался русский, рядом с французским — австрийский. Но теперь даже эти вынужденные встречи представителей воюющих держав прекратились. Во время открытия в Сан-Себастьяне памятника в честь 100-летия освобождения этого города англичанами от французов английский посол по рассеянности протянул руку германскому, а тот не ответил на рукопожатие. После этого инцидента испанский двор решил не приглашать дипломатический корпус на свои

⁵⁰ Там же, л. 14.

⁵¹ Там же, 1915 г., д. 33, л. 2.

⁵² Там же, л. 8.

⁵³ Соловьев Ю.Я. Указ. соч., с. 267.

приемы до окончания войны. При встрече дипломаты воюющих стран продолжали раскланиваться, но в разговор не вступали⁵⁴.

Атмосфера всеобщей подозрительности и недоверия распространилась и на союзных послов. Соловьев отмечал в мемуарах, что в нейтральных странах союзники так усердно следили друг за другом, что им не оставалось времени наблюдать за немцами⁵⁵. Шпиономания охватила и российских представителей. Российский посол во Франции А.П. Извольский доложил в Петроград о том, что у советника посольства в Испании Соловьева слуга — германский подданный. Будберг заступился за своего сотрудника. 17 (30) января 1916 г. он уведомил МИД, что Соловьев уволил камердинера-немца, который, впрочем, не имел никакого отношения к делам посольства. Будберг назвал донос Извольского “анонимным письмом, которым преследуются побочные цели”⁵⁶.

Психологическое напряжение в среде дипломатов объяснялось и тем, что они стали пусть и не очевидцами, но свидетелями ужасов войны, личных трагедий соотечественников. Через посольство шли переговоры об обмене военнопленными, дипломаты следили за ходом военных действий, с надеждой ждали новостей от родственников из России, известий с Восточного фронта. Вероятно, это напряжение негативно сказалось на самочувствии 64-летнего Будберга, к тому же пережившего семейную драму: в 1913 г. скончалась его мать, а в апреле 1914 г. — младший брат, член Государственного совета А.А. Будберг.

«В Мадриде застал своего посла больным, — писал Соловьев по возвращении из отпуска, проведенного в России летом 1915 г. — Он все больше и больше поддавался мрачным предчувствиям, часто в интимных разговорах повторяя слова: “Все рушится”. Но, тем не менее, он продолжал весьма добросовестно выполнять свои обязанности, поддерживая близкий контакт с союзными коллегами»⁵⁷.

Слухи об отставке Будберга ходили давно. Уже в сентябре 1914 г., когда Соловьева, только что организовавшего работу справочного бюро при испанском посольстве, решили направить обратно в Мадрид, в качестве одного из аргументов ему указали на то, “что в министерстве подумывают об увольнении в отставку барона Будберга, который в последнее время стал сильно прихварывать”⁵⁸.

1 сентября 1915 г. испанский посол граф де Картахена докладывал из Петрограда в Мадрид министру иностранных дел маркизу де Лема: «Считаю своим долгом сообщить Вашему превосходительству об определенных слухах, распространившихся в эти дни и касающихся возможной замены барона Будберга, российского посла в Мадриде, на нынешнего посланника в Брюсселе князя Кудашева. Барон Будберг, хотя и не очень известен в общественных кругах Петрограда, поскольку почти всю свою жизнь провел за границей, пользуется симпатией и уважением всех тех, кто общался с ним... Его возможная замена, согласно упомянутым слухам, явилась бы следствием

⁵⁴ Там же, с. 268–269.

⁵⁵ Там же, с. 269.

⁵⁶ АВПРИ, ф. 133. Канцелярия, оп. 470, 1916 г., д. 27, л. 5. В этом “разоблачении”, вероятно, нашла отражение и взаимная неприязнь Извольского и Соловьева. Когда Извольский был министром иностранных дел, Соловьев в 1908 г. возглавил отдел печати МИД. Однажды в частной (как ему казалось) беседе с журналистом газеты “Новое время” А.А. Пиленко Соловьев высказался против политики, направленной на усиление вражды с Германией. Через несколько дней Извольский вызвал Соловьева и отчитал его: якобы в последний момент удалось перехватить в редакции газеты чуть было не опубликованное интервью Соловьева, которое шло “совершенно вразрез с политикой министра”. Соловьев воспользовался первой подходящей возможностью, чтобы уехать на службу за границу, подальше от Извольского, однако обиды не простил. В своих воспоминаниях он неоднократно неодобрительно отзывался об Извольском, в том числе обвиняя министра в том, что его политика вела к войне с Германией. — *Соловьев Ю.Я.* Указ. соч., с. 206–208, 217, 239, 263, 266–267, 293.

⁵⁷ *Соловьев Ю.Я.* Указ. соч., с. 278.

⁵⁸ Там же, с. 259.

его немецкой фамилии. Действительно, в настоящее время в парламенте, в прессе и среди общественности существует очень сильное мнение... против всех русских немецкого происхождения, а в особенности против дворян из прибалтийских провинций, к каковым принадлежит и барон Будберг. Прошлой зимой газета “Новое время”, которая отличается здесь небывалой резкостью атак против лиц немецкого происхождения, опубликовала серию статей, где обнародовала имена многочисленных служащих здешнего министерства иностранных дел, виновных всего лишь в том, что у них немецкие фамилии. Недавно в Думе один депутат сделал запрос в таком же духе, сетуя на то, что пятая часть российских дипломатических служащих носит немецкие фамилии. Депутат-обвинитель добавил, что два российских посла с немецкими фамилиями, аккредитованные в нейтральных странах, не предоставили в свое министерство ни одного донесения с тех пор, как началась нынешняя война. Наверняка под одним из упомянутых послов имелся в виду аккредитованный в Мадриде. Хотя я и не знаю точной причины, по которой, возможно, произойдет отстранение от должности барона Будберга, я посчитал уместным сообщить Вашему превосходительству об атаках, направленных на российских дипломатов немецкого происхождения в прессе и парламенте»⁵⁹.

Германофобия, поиски “изменников” и “немецких шпионов” к тому времени в самом деле захлестнули Россию. Что же касается Будберга, то обвинения его в Думе были беспочвенны: он регулярно переписывался со своим министерством и добросовестно выполнял все обязанности посла. В остальном же испанский посол в Петрограде оказался прав. Почти через полгода Будберга отправили в отставку, а на его место назначили князя И.А. Кудашева, бывшего с 1910 г. российским посланником в Бельгии. Вряд ли причиной отставки являлись обвинения в “немецком происхождении”, ведь 10 февраля 1916 г. Будберг был назначен сенатором⁶⁰. Скорее всего, отставка посла объяснялась плохим состоянием его здоровья.

В начале февраля 1916 г. из Петрограда пришла телеграмма об увольнении Будберга в связи с назначением сенатором. Это была почетная отставка. 8 (21) февраля Будберг отправил в МИД краткую телеграмму: “Министр иностранных дел сообщил мне, что король дал свое согласие на назначение князя Кудашева послом в Мадриде”⁶¹.

Впоследствии Соловьев писал: “Будберг, уже больной, весьма тяжело переживал свою отставку, в особенности потому, что был назначен не членом Государственного совета, а сенатором. Это почему-то казалось ему необыкновенно обидным. В течение нескольких дней он почти не выходил из комнаты, скрывая от коллег свою отставку, как какой-то позор. Наконец, окончательно занемог, случайно где-то простудившись; при этом он не хотел обращаться к медицинской помощи. Мне с трудом удалось привести к нему лучшего испанского профессора, а также нашего португальского коллегу-посланника, который был по профессии врачом и притом весьма известным. По их заключению, положение посла было безнадежно. Он действительно вскоре впал в бессознательное состояние и едва мог узнавать посетителей. Своими последними словами, сказанными мне, он меня весьма тронул. Будберг озабоченно справился, почему я не получил назначения посланником в Норвегию. По его мнению, я был первым кандидатом на открывшуюся вакансию, как один из старших среди советников посольства”⁶².

22 февраля (6 марта) 1916 г. Соловьев телеграфировал в Петроград: “Барон Будберг заболел воспалением легких. Консилиум врачей признал положение весьма серьезным. Прошу сообщить родным. В случае дальнейшего ухудшения

⁵⁹ Archivo General del Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperación, H-1726.

⁶⁰ АВПРИ, ф. 159. Департамент личного состава и хозяйственных дел, оп. 713, 1914–1917 гг., д. 223, л. 34об.

⁶¹ Там же, ф. 133. Канцелярия, оп. 470, 1916 г., д. 27, л. 12.

⁶² Соловьев Ю.Я. Указ. соч., с. 278.

приму управление посольством”⁶³. На следующее утро, 23 февраля (7 марта), в 11 часов 20 минут Будберг скончался⁶⁴.

Генерал-адъютант короля, премьер-министр граф де Романонес и послы союзных с Россией держав в тот же день посетили российское посольство, чтобы выразить свои соболезнования. Проститься с коллегой пришел и австро-венгерский посол князь Фюрстенберг вместе с женой⁶⁵. Последний долг дружбы оказался сильнее политических соображений. 24 февраля (8 марта) 1916 г. испанский посол в Петрограде граф де Картахена направил соболезнования правительства Альфонса XIII в российский МИД. Министерство поблагодарило посла⁶⁶.

Похороны Будберга состоялись в дождливый день 26 февраля (10 марта) 1916 г. Несмотря на то, что Будберг перед смертью был отправлен в отставку, ему по приказу Альфонса XIII были отданы все почести, полагавшиеся при похоронах иностранных послов в Мадриде. Как и во время похорон испанских генерал-капитанов, в похоронах Будберга участвовал весь мадридский гарнизон. Специально из Вальядолида были командированы представители 5-го кавалерийского полка Фарнезио, почетным полковником которого, как уже отмечалось, был император Николай II. В полдень был произведен пушечный салют. Тело посла везли на лафете, за которым шли представитель короля инфант дон Карлос, придворные, министры, представители союзного и нейтрального дипломатического корпуса⁶⁷. Будберга, так как он не был католиком, похоронили на Британском кладбище Мадрида. Соловьев телеграфировал в Петроград еще в день смерти посла: “Ввиду больших расходов, вызванных кончиной посла и его погребением, прошу выслать в мое распоряжение содержание, причитающееся ему по день назначения его сенатором”⁶⁸. Вскоре Соловьев возобновил контракт с хозяйкой дома, где размещалось российское посольство⁶⁹. Он также встретился с Альфонсом XIII, чтобы поблагодарить его от имени императора Николая II за чрезвычайные почести, оказанные при похоронах Будберга⁷⁰.

Вскоре после похорон Будберга временный поверенный в делах Соловьев получил неожиданное и трогательное письмо от дочери русского писателя Г.П. Данилевского. Александры Григорьевны, вышедшая замуж за испанского офицера Родригеса, жила тогда на о. Ивиса. Она писала, что каждую неделю носит цветы на могилу двух русских матросов, похороненных на этом острове. В конверт сеньора Родригес вложила пять песет с просьбой купить на них фиалок и отнести на могилу посла⁷¹.

Прах “дона Теодоро де Будберг”, как называли его в Испании, до сих пор покоится в испанской земле. Почти 100 лет о его могиле мало кто вспоминал, однако недавно благодаря усилиям настоятеля православного храма святой равноапостольной Марии Магдалины в Мадриде, протоиерея отца Андрея Кордочкина и посольства Российской Федерации в Испании в лице посла Ю.П. Корчагина могильная плита была восстановлена, а 10 марта 2015 г., в 99-ю годовщину похорон посла, были организованы поминальная служба и памятное мероприятие⁷².

На посту российского посла в Испании Ф.А. Будберг проработал шесть с половиной лет. Здесь он пережил первые полтора года мировой войны. Это было непростое время как для воевавшей России, так и для нейтральной Испании, но отношения между двумя странами плодотворно развивались и даже стали более интенсивными.

⁶³ АВПРИ, ф. 133. Канцелярия, оп. 470, 1916 г., д. 27, л. 17.

⁶⁴ АВС, 8.III.1916, р. 17.

⁶⁵ Соловьев Ю.Я. Указ. соч., с. 279.

⁶⁶ АВПРИ, ф. 133. Канцелярия (неполитический архив), оп. 470, 1916 г., д. 29, л. 12, 13.

⁶⁷ Там же, ф. 133. Канцелярия, оп. 470, 1916 г., д. 27, л. 19, 24; Соловьев Ю.Я. Указ. соч., с. 279.

⁶⁸ АВПРИ, ф. 133. Канцелярия, оп. 470, 1916 г., д. 27, л. 20.

⁶⁹ Там же, л. 29.

⁷⁰ Соловьев Ю.Я. Указ. соч., с. 280.

⁷¹ Там же.

⁷² О мемориальной акции в Мадриде. — http://spain.mid.ru/ru_RU/web/spain_ru/-/o-memorialnoj-akcii-v-madride